

Проф. П. А. Аристе

О НЕКОТОРЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ВОПРОСАХ ФИНСКОГО ЯЗЫКА

В своих работах „Относительно марксизма в языкознании“, „К некоторым вопросам языкознания“ и „Ответ товарищам“ И. В. Сталин указал советским языковедам путь, по которому советское языкознание может развиваться в правильном направлении. Он указал также на то, что исследование языков может оказать большую пользу языкознанию при выяснении законов развития языка. И. В. Сталин следующим образом определил сущность грамматики: „Грамматика есть результат длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления, показатель громадных успехов мышления“.¹

Грамматическое строение языка меняется медленно, — история говорит о большой стойкости языка. Стойкость языка объясняется именно устойчивостью грамматического строя. Этим объясняется, например, тот факт, что в склонении слов и в их значении в предложении у родственных языков сохраняются общие черты в течение долгого времени после того, как языки отделились друг от друга.

И. В. Сталин указал и на то, что языки развиваются по внутренним законам своего развития. Задачей советского языкознания является исследование законов внутреннего развития отдельных языков.

В период марристского засилья языковеды почти не имели возможности изучать родство языков и сравнивать родственные языки. Изучение родства языков клеймилось как распространение теории „праязыка“, хотя Марр сам и его ученики, по существу, вели пропаганду за „праязык“ всех существующих языков мира, уверяя, что первыми словами всего человечества были *сал, бер, йон, рош*, из которых образовались все слова и все формы слов всех языков. Марр и его ученики стояли на неправильных позициях, полагая, что у всех языков был один путь и одно направление развития, и утверждая, что развитие языков зависело непосредственно от экономических причин.

Марровцы, конечно, не могли ответить на вопрос — почему финский и шведский языки не стали родственными, несмотря на то, что

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 24.

финны и шведы жили в непосредственном соседстве в течение столетий; латышский язык тоже не стал родственным эстонскому языку: эстонский язык продолжает оставаться финно-угорским языком, а латышский язык принадлежит к семье индоевропейских языков. О родстве языков И. В. Сталин в своей работе „Марксизм и вопросы языкознания“ сказал: „А между тем нельзя отрицать, что языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языкового родства этих наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка“.¹ Сказанное о родстве языков на примере славянских языков может быть отнесено к прибалтийско-финским и другим родственным между собой языкам.

Отрицание генеалогического родства языков привело к тому, что изучению и сравнению прибалтийско-финских языков не уделяли должного внимания. Вместе с тем, покойный член-корреспондент АН СССР проф. Д. В. Бубрих своими работами показал, какие важные результаты может дать сравнение родственных финно-угорских языков. Так, сравнивая данные родственных языков этой группы, он мог поставить и разрешить ряд вопросов о прошлом карельского народа и языка.

Если сравнение данных родного языка с фактами родственных языков дает возможность для выявления путей развития языка в прошлом, то сопоставление языков более выпукло выявляет, в каком отношении другие языки отличаются от родного языка. Сопоставляя, например, русский язык с финским языком, мы будем лучше понимать, какими возможностями для выражения той или иной мысли обладает каждый из этих языков, каким образом неродственные, разносистемные языки выражают одинаковые грамматические категории.

Финно-угорские языки отличаются по своему строю от индоевропейских языков. В связи с этим можно отметить некоторые важнейшие характерные черты, присущие финно-угорской группе языков.

В финно-угорских языках у существительных и глаголов могут быть одни и те же признаки. Например *i* у существительных указывает множественное число: *maissa*, *kaloissa*, *matalissa* „в странах“, „в рыбах“, „в низких, в мелких“. То же *i* может указать и форму глагола, которым указывается действие прошедшего времени, т. е. имперфект: *sain*, *apnoin*, *kirjoitin* „получил“, „дал“, „писал“. С прилагательными *i* указывает на величину свойства: *suurin*, *matalin* *j. n. e.* „наибольший“, „самый низкий“ и т. д.² В финно-угорских языках граница между существительными и глаголами вообще не является такой резкой, как в индоевропейских языках. То, что с точки зрения индоевропейских языков является невозможным, в финно-угорской языковой группе может быть совершенно обычным явлением. В финно-угорских языках глагол может иметь склонение и существительное — спряжение, например, в эрзя-мордовском, где *n* и *m* такие же личные окончания, как и в финском языке. Эти личные окончания могут одновременно употребляться и в существительных, и в прилага-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 33, 34.

² Повидимому, в этих трех случаях показатель является лишь грамматическим омонимом (ред.).

тельных, и даже в наречиях: *церап, церап* „я мальчик, ты мальчик“, *одан, одат* „я молод, ты молод“, *тесян, тесят* „я тут, ты тут“. В эрзя-мордовском языке — *кудос* „в дом“, *кудосо* „в доме“, *кудосто* „из дома“. Эти же падежные окончания могут присоединяться и к глагольной основе: *максомс* „дать“, *максан* „даю“, *максот* „даешь“. Упомянутые морфологические явления встречаются и в прибалтийско-финских языках, которые очень близки к мордовскому. И в финском языке можно употреблять падежные окончания в глагольных основах: *tulemaan* „(надо) придти“ (иллатив), *tulemassa* „идет“ (инессив), *tulemastä* букв. „вышел из состояния прихождения“ (элатив), *tulemalla* „своим приходом“ (адессив), *tulematta* „не придя“ (абессив). Падежное окончание транслатива может встречаться и в глагольной основе: *tullakseni* „чтобы придти“ и т. д. Поскольку в финно-угорских языках отсутствует четкая грань между именами и глаголами, трактовка грамматических форм этих языков в грамматиках может сильно отличаться от трактовки соответствующих явлений в индоевропейских языках.

В финно-угорских языках граница между отдельными группами имен также менее четкая, чем в индоевропейских языках. В финно-угорской группе языков имена делятся на имена существительные, прилагательные, числительные, местоимения, в сущности, только по значению слов и на основании их синтаксического употребления. В этих языках нет разницы в морфологических показателях для разных частей речи, например, в их склонении.

В финском языке одинаково склоняются все имена: *kalalle, uudelle, kahdelle, hänelle* „рыбе“, „новой, новому“, „двум, двоим“, „ему, ей“. Если для сравнения мы возьмем, например, русский язык, то увидим, что склонение существительных отличается от склонения прилагательных, числительных и местоимений: например, *мужу, жене, новому, новой, второму, второй* и *ему, ей*.

Из приведенного видно, что в грамматическом строе прибалтийско-финских языков имеют место такие особенности, которых нет в других, не родственных им языках. Сравнивая же прибалтийско-финские языки между собой, можно разобрать такие вопросы, выяснение которых невозможно на фактах языков других групп. Но при этом надо все время помнить, что каждый язык развивается по своим внутренним законам. Финский и эстонский языки очень близкие родственные языки, в их грамматическом строе много общего, но имеется и много такого, в чем эти языки резко отличаются друг от друга. Грамматика эстонского языка, например, утратила притяжательные суффиксы (*minu isa, sinu isa, meie isa* „мой отец, твой отец, наш отец“; по-фински: *minun isäni, sinun isäsi, meidän isämme*), личные окончания в отрицаниях (*mina ei tule, sina ei tule, tema ei tule* — „я не приду, ты не придешь, он не придет“; по-фински: *minä en tule, sinä et tule, hän ei tule*), возможностное наклонение и т. д., которые особенно характерны для грамматики финского языка. В грамматике эстонского языка между тем образовалось новое наклонение для выражения косвенного действия (*minä tulevat* „говорят, что я иду“), которого нет в других прибалтийско-финских языках.

Следует иметь в виду также, что при описаниях и исследованиях грамматики языков оказывают влияние грамматические традиции других языков. Грамматики финского языка создавались под влиянием грамматик шведского языка. На описание грамматики эстонского языка оказывали воздействие грамматики немецкого языка. Поэтому

иногда одно и то же грамматическое явление в учебниках грамматики родственных языков трактуется по-разному. Прибалтийско-финские языки грамматически в отдельных случаях ближе к славянским, чем к германским языкам. Причиной этому были существовавшие тысячелетиями постоянные связи между прибалтийско-финскими и балтийско-славянскими народами. Археология подтверждает, что предки современных прибалтийско-финских народов соприкасались с предками балтийских и западнославянских народов еще до того, когда началась тесная связь между прибалтийскими финнами и германцами. Поскольку же образцом для создания эстонской грамматики была главным образом грамматика германских языков, то понятно, что трактовка грамматических категорий по образцу русских грамматик часто оставалась в наших грамматиках неизвестной. После выхода в свет трудов И. В. Сталина по вопросам языка и языкознания началось серьезное обсуждение вопроса о том, не подойти ли к некоторым установившимся положениям грамматики эстонского языка с новой точки зрения. Во вновь составляемую грамматику эстонского языка вносятся поправки с учетом внутренних законов развития эстонского языка и всех достижений в области изучения грамматического строя эстонского языка. Надо полагать, что грамматика финского языка тоже нуждается в пересмотре теперь, когда советскому языкознанию указан новый путь, по которому можно прийти к правильным выводам.

Грамматика, т. е. нормы изменений слов и сочетаний слов в предложении, финского языка в разные времена и разными языковедами рассматривалась по-разному. Это является главной причиной того, почему автор хотел в этой небольшой статье обратить внимание на некоторые грамматические явления, которые в грамматике финского языка принято рассматривать определенным образом, но которые в грамматиках других прибалтийско-финских языков рассматриваются по-другому. В связи с этим предлагаются на рассмотрение следующие вопросы финской грамматики.

1. В финском языке русские шипящие *ш, ж, ч, щ* обозначаются латинскими буквосочетаниями *sh, zh, tsh, shtsh* — Sholohov, Zhukovski, Tshhov, Shtshedrin; *h* в этих буквосочетаниях использован как фонетический вспомогательный знак. В других языках Советского Союза, которые пользуются латинским алфавитом, приведенные выше шипящие обозначаются знаками *š, z, tš* или *ĉ, ŝtš* или *šč*, например в эстонском — Solohhov, Zukovski, Tsehhov, Štšedrin, в латышском — Šolochovs, Zukovskis, Cechovs, Štšedrin, в литовском — Šolochovas, Zukovskis, Cechovas, Šcedrinas. Для финского языка можно было бы также принять приведенные выше знаки. Принятие таких знаков является тем более необходимым, что в названиях местностей и в других именах собственных, а также и в некоторых других словах, в русском языке встречаются сочетания букв *ш-х, ч-х, щ-х* и др., например, Ашхабад, бывш. Асхабад (город), Ашхамаф (адыгейский языковед), ашхарабар (современный армянский литературный язык), Мefис-Чхаро (гора) и т. д. Эти имена и слова транскрибируются в периодических изданиях и книгах Карело-Финской ССР следующим образом: Ashhabad (Ashabad), Ashhamaf, ashharabari, Mefis-Tshharo и т. д. Целесообразнее и проще было бы писать Ashabad, Ašhamaf, ašharabari, Mefis-Tšharo.

Предложение о введении букв *š, ž, š* в финскую орфографию сделано профессором А. Пенттиля в его книге „Suomen kielen äänne- ja oikeinkirjoitusoppi“ (1948).

Карело-финская языковая традиция могла бы в данном случае совершить нужное обновление, поскольку она свободна от пут предрассудков.

2. Переходя к рассмотрению грамматических явлений, надо прежде всего выявить один вопрос о дополнении в финском языке. Дополнение является характерной чертой финского и других прибалтийско-финских языков. Оно имеет гораздо большие задачи, чем дополнение индоевропейских языков. В разных грамматиках оно рассматривается по-разному. В грамматиках финского языка падежами прямого дополнения названы винительный и частичный падежи (аккузатив и партитив). Об аккузативе в них говорится, что в единственном числе он сходен с родительным и именительным падежами (генитив и номинатив), а во множественном числе сходен с номинативом (кажущимися исключениями являются личные местоимения). В эстонских и других грамматиках прибалтийско-финских языков не имеется винительного падежа, но указывается, что прямое дополнение может быть выражено разными падежами, в зависимости от синтаксических особенностей. В грамматике эстонского языка говорится, что в предложении *too raamat* „принеси книгу“ дополнение выражается номинативом, в предложении *toon raamatu* „принесу книгу“ — генитивом и в предложении *ära too raamatut* „не приноси книгу“ — партитивом. В грамматике финского языка известны в единственном числе две формы аккузатива: сходная с генитивом и с номинативом. О множественном числе говорится, что у аккузатива одна форма, напоминающая номинатив множественного числа. Говорится также об аккузативе с окончанием и без окончания в качестве падежа прямого дополнения. Партитив является падежом частичного прямого дополнения. В эстонских грамматиках тоже в свое время отмечался аккузатив. Он попал в грамматику эстонского языка, повидимому, только потому, что в немецкой грамматике, служившей образцом при составлении эстонской грамматики, был этот падеж. Несколькими десятилетиями тому назад был выброшен из эстонской грамматики этот падеж, как совершенно ненужный. Учащиеся понимают разные значения дополнения и без этого несуществующего падежа. Не проще ли было бы, с точки зрения финской грамматики, трактовать дополнения таким же образом, как они рассматриваются в эстонских грамматиках? Не надо забывать, что в финно-угорских языках дополнение может быть выражено разными падежами. Оно может быть выражено также местными падежами. В эрзя-мордовском языке, например, дополнение выражается аблативом и инессивом: *пелен кускадо* „боюсь собак“, *нолксемо картасо* „играть в карты“. В прибалтийско-финских языках, какими являются финский и эстонский, прямое дополнение иногда может быть даже в элативе, например по-фински: *mitä näistä silmistä peset* „почему ты моешься“, буквально „моешь глаза“; *mitä hän minusta pelkää* „почему он меня боится“; по-эстонски: *mis sa neist silmist pesed*, *mis ta minust pelgad*. Если сравним с ними предложения *miksi hän minua pelkää* и *miksi hän pesee silmiä*, то можем констатировать, что в обоих случаях речь идет о прямом дополнении. Таким образом, не следует бояться, что без так называемого падежа прямого дополнения изучение дополнения может пострадать. Дополнение финского

языка следовало бы детально изучить, надо бы точнее определить, что же в конце концов представляет собой дополнение, надо бы определить, что же является прямым и косвенным дополнением в языке.

В финской грамматике имеется следующее определение обстоятельства: **обстоятельствами называются все такие предметные слова, которые не являются дополнениями и определениями.** Обстоятельство может быть обстоятельством места, времени, образа действия, причины и т. д. Обстоятельством может быть, например, *tule täppe* „иди сюда“, *työ on saatava valmiiksi ennen iltaa* „работа должна быть готовой до вечера“. К обстоятельствам причисляют, кроме того, и такие выражения, как *anna kirja minulle* „дай книгу мне“ (обстоятельство дательного падежа), *hän joutui opettajaksi* „он стал учителем“ (предикативное обстоятельство), *tukkityöläisenä hän oli hyvin perehtynyt metsätöihin* „будучи лесорубом, он был хорошо знаком с лесным делом“ (так называемое *appositioadverbiaali*) и т. п. Грамматическая категория, именуемая в финских грамматиках по сие время обстоятельством, является большей частью косвенным дополнением, как она и трактуется в грамматиках других финно-угорских языков. В настоящее время и в эстонской грамматике косвенным дополнением принято считать слова *sangariks*, *üliõpilasele*, *loetuks*, *sulega* и т. д. (герою, студенту, прочитанной, пером и т. д.) в предложениях *ta jutustale Suure Isamaasõja Sangarist* „он рассказывает о герое Великой Отечественной войны“, *anna raamatu üliõpilasele* „дам книгу студенту“, *sain raamatu loetuks* „прочитал книгу до конца“, *kirjutan sulle* „пишу пером“ и т. д. И в грамматике русского языка слова *о герое, студенту, пером* и т. д. являются дополнениями в предложениях: *он рассказывает о герое Великой Отечественной войны, дам книгу студенту, пишу пером.* Дополнением может быть и определение переходного глагола, если оно встречается в падежах дополнения, например, *pojat olivat leikkimässä hauskaa leikkiä* „мальчики играли в интересную игру“; *päivän päätettyämme nukuimme sikeätä unta* „закончив день, мы спали крепким сном“. В прибалтийско-финских, так же как и в других финно-угорских языках, разница между переходными и непереходными глаголами не так резка, как в индоевропейских языках. Очень часто глагол может быть и переходным, и непереходным.

Из сравнения освещения вопросов о дополнении и обстоятельстве в грамматике финского языка и других прибалтийско-финских языков и русского языка ясно, что необходимо изучить этот раздел грамматики финского языка.

3. В грамматике финского языка имеется, по крайней мере, четыре инфинитива. Эстонские и другие прибалтийско-финские грамматики знают только два инфинитива, так называемые *t*-овый и *m*-овый. Об инфинитивах финского языка говорится, что они по характеру близки глагольным формам существительного, что они выступают такими же членами предложения, как и существительные. В прибалтийско-финских языках инфинитивные формы глагола действительно напоминают существительные и прилагательные, но отличаются от них тем, что не имеют всех падежей и имеют некоторые свойства глагола. Уже упоминалось, что финно-угорские языки сильно отличаются от индоевропейских языков в отношении словоизменения. В русском языке инфинитивы *писать, говорить, читать*, в латинском *scribere, narrare, legere*, в шведском *skriva, tala, läsa*, в латышском

gakstit, runat, lasit и т. д. являются неизменяемыми формами глагола и не имеют ничего общего с именами. В финно-угорских языках, главным образом в волжских и прибалтийско-финских, у глагола может выступать склонение в таких случаях, где оно в индоевропейских языках никогда не проявляется. В индоевропейских языках причастия являются отглагольными именами и очень близки к именам. Причастия и в прибалтийско-финских языках схожи с субстантивами и адъективами.

Но можно ли зачислять в одну группу и инфинитивы, и причастия?

Так называемый IV инфинитив в действительности является образованным от глагола субстантивом и изменяется по всем падежам как в единственном, так и во множественном числе: tekeminen, tekemisen, tekemistä, tekemiseen, tekemiset, tekemisiin, tekemisiä, tekemisiin (делание, делания, делания, деланию и т. д.). Нет никакой надобности причислять это отглагольное имя к группе инфинитивов. Если это отглагольное имя с признаком *-minen* причисляют к инфинитивам, то к ним можно было бы причислить и другие образованные от глагола слова. У некоторых авторов и проявляется так называемый V инфинитив: kaatumaisillani, lähtemäisillani, menemäisillani, menemäisillään, tulemaisillamma j. n. e. „чуть было не упал“, „собирался уходить“, „собирался идти“, т. е. „чуть было не пошел“, „он собирался пойти“, „мы собирались прийти“ и т. д.

В фольклоре можно встретить и такую форму, как *kuolemaisillani, kultuani, kuulopiirissäni* — „(я) чуть было не умер“, „услышав (я)“, „в сфере моей слышимости“. Причиной названия инфинитивом отглагольных имен было и то, что номинативная и партитивная формы этого слова употребляются с глаголом *olla* и *käydä*, указывая необходимость, запрещение и неуместность действия: *jokaisennon työtä tekeminen* „каждый должен работать“; *on näkeminen luodut päivät* (поговорка) „надо жить, сколько положено“; *hänen ei ole luottamista* „на него нельзя полагаться“. В диалектах встречаются и иллативы единственного и множественного числа в таких предложениях, как *lehmä tuli nostamisiin ~ nostamiseen*, т. е. „корова дошла до такого состояния, что ее надо поднимать“. Ведь слово *tekemiseen* в предложении *minun on tekeminen* „мне надо делать“ ничем не отличается от эстонского *tegemist* в предложении *mul on palju tegemist* „у меня много работы“, а также от ливского слова *tiemōst* в предложении *minnōn on jennō tiemōst* „у меня много работы“, которые никогда не рассматривались как инфинитивы. Вопрос заключается в названии действия, которое употребляется в качестве особой глагольной конструкции предложения. Возможно, что под влиянием грамматики шведского языка такую конструкцию предложения стали называть инфинитивом, поскольку в шведском языке ей соответствует действительно инфинитивная конструкция. В финском языке *on tekeminen* напоминает герундии в латинском языке: *agendum est*. Что касается других прибалтийско-финских языков, то эта конструкция весьма обычна в ливском языке: *minnōn um luggomōst* „мне необходимо читать“. В грамматике ливского языка ее в последнее время стали называть понудительной формой. В финском языке встречаются такие предложения, как *syksy viilenee viilenemistään* „осень становится все прохладнее и прохладнее“; *vesi nousee nousemistaan* „вода все поднимается и поднимается“; *satoi satamistaan* „дождь все лил да лил“; *hain hakemistani* „я все искал и искал“. Эти предложения указывают

на продолжительность действия. В этих предложениях слова с окончаниями *-minen* не что иное, как обыкновенные названия действий. Сравним с ними предложения: *hän näki veden nousemista* „он видел прибывание воды“; *pelkään sään viilenemistä* „опасаюсь охлаждения погоды“ и т. д.

Осмелюсь в конце настоящего параграфа коротко сказать, что *minun on tekeminen* и *minun ei ole tekemistä* и в финском языке являются *debitiivinen*—конструкцией предложения, которое образуется от имени действия.

Грамматика финского языка допускает, что в так называемом III инфинитиве можно употреблять разные падежи: в инессиве *lukemassa*, в иллативе *lukemaan*, в элативе *lukemasta*, в адессиве *lukemalla*, в абессиве *lukematta*. Характерной чертой финно-угорских языков, правда, является то, что глагольные формы, о которых уже шла речь, возможно спрягать. В таких падежах иллатив соответствует инфинитиву индоевропейских языков. Такая *deverbaalisesta nominista*, образованная из инфинитива, выступает во всех прибалтийско-финских языках. В грамматике эстонского языка эту форму привыкли считать главным инфинитивом. Этот инфинитив встречается во всех прибалтийско-финских языках, в финском языке он называется первым инфинитивом. В грамматике финского языка можно встретить, кроме того, и так называемый II инфинитив: *lukieessa*, *lukien* „читая“. Этот инфинитив не встречается в эстонской, водской и ливской грамматиках, в которых упоминается, что II инфинитив спрягается, как III инфинитив.

О соответствующей глагольной форме финского языка *lukieessa*, в эстонском, водском и т. д. языках *lugedes*, *lukoeza* j. n. e. говорится, что они являются инессивами I инфинитива. Грамматика финского языка доказывает, что от II инфинитива употребляются инессив и инструктив. Но почему в таком случае нельзя сказать в грамматике финского языка, что упомянутые формы глагола инессив и инструктив I инфинитива, если падежные окончания III инфинитива разрешаются? Во всяком случае финская грамматика признает, что у I инфинитива могут быть падежные окончания, например, *tulin Karjalaan oppiakseen suomen kieltä* „приехал в Карелию, чтобы научиться финскому языку“. Грамматика финского языка доказывает также, что окончания I инфинитива те же, что и II инфинитива. И в этом частном случае надо бы уточнить грамматическую терминологию прибалтийско-финских языков.

4. Грамматика финского языка причисляет наречия, приставки и послелоги к несклоняемым словам, соглашаясь все же, что некоторые наречия являются как бы падежными формами. Грамматика эстонского языка признает часть наречий и послелогов частично склоняемыми словами, из которых образуются некоторые местные падежи (*kõikjale*, *kõikjal*, *kõikjalt*, *keskele*, *keskel*, *keskelt*, *juurde*, *juures*, *juurest*). Частично склоняемыми являются многие наречия финского языка, приставки и послелоги (*kaikkialle*, *kaikkialla*, *kaikkialta*; *keskelle*, *keskellä*, *keskeltä*, *eteen*, *edessä*, *edestä*). Д. В. Бубрих в свое время уже указал на то, что наречия финно-угорских языков нельзя рассматривать как несклоняемые слова. В грамматике финского языка надо бы проверить вопрос о наречиях, приставках и послелогах.

И. В. Сталин, говоря, что грамматический строй изменяется медленно, отметил: „Он, конечно, претерпевает с течением времени

изменения, он совершенствуется, улучшает и уточняет свои правила, обогащается новыми правилами..."¹

Совместная работа языковедов и учителей прибалтийско-финских языков должна помочь правильному пониманию и уточнению грамматических законов.

„Марксизм не признает неизменных выводов и формул, обязательных для всех эпох и периодов. Марксизм является врагом всякого догматизма“.²

---

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 25.

² Там же, стр. 55.